

разованіями гораздо болѣе дробных и «фрагментарных» масштабов.

Совѣтскій Союз находится не болѣе, как в началѣ этой эволюціи. Несмотря на отдѣльные успѣхи, контраст между освоенным Западом и совершенно пустынным Востоком, во многих случаях, остается огромным. Русскій народ, в своей подавляющей массѣ, и теперь народ исключительно «равнинный». Между тѣм, удесятая населеніе Урала и Алтая, в их горнопромышленных частях, наново заселяя Хибины, создавая горнопромышленныя колоніи в за-енисейских и дальне-восточных областях, русскій народ призван в гораздо большей, чѣм доселѣ, степени стать также и горным народом. В этих суровых и трудно доступных районах он должен найти ту полноту естественных ресурсов для великопромышленнаго развитія, которой часто ему недостает на коренной его территоріи.

В одинаково интенсивном освоеніи богатства и возможностей как русскаго Запада, так и русскаго Востока, заключается, по сказанному выше, один из разрѣзов грядущаго разрѣшенія «евразійской проблемы» русской исторіи. Истекшіе годы произвели сдвиг в этом направленіи. Но тѣм острѣе почувствовались дѣйствительные размѣры, дѣйствительная грандіозность проблемы. Все сдѣланное по этой части до сих пор должно звучать, как призыв к совершенію несравненно большаго.

П. Савицкій.

Прага, март 1936 г.

Россія сегодня

В эти дни рѣшающих сдвигов, мѣняющих лицо революціонной Россіи, понятен наш общій напряженный интерес к совершающемуся там. Но понятна и чрезвычайная трудность правильной оцѣнки и общаго охвата событій. Мы видим куски и осколки жизни в отраженіи наших собственных взглядов. При таких условіях соотвѣтственная оцѣнка русскаго процесса становится дѣлом весьма рискованным. Читатели «Новаго Града»

не посѣтуют на нас, если мы, вмѣсто собственной схемы, предложим им свободную запись бесѣд с человеком оттуда, совѣм недавно оставившим Россію. Конечно, и его взгляд на Россію сегодняшняго и завтрашняго дня есть неизбѣжно взгляд частный и не свободный от односторонностей. Однако, он имѣет преимущество, или даже два: сформироваться в непосредственной реакціи на окружающую жизнь и быть, по нашему мнѣнію, типическим для огромнаго круга совѣтских людей. Оговоримся сейчас же, какого круга: молодежи, вышедшей из деревни и с нею связанной, молодого поколѣнія крестьянства, прошедшаго через городскую культуру и оставшагося вѣрным деревнѣ, т. е. того класса, которому как будто бы принадлежит будущее. Говоря привычными формулами, наш собесѣдник большевик, но анти-коммунист, за Октябрьскую революцію, но против революціи колхозной. Он сам не выдает своих взглядов за настроеніе всей современной деревни; но говорит от имени ея передового, ведущаго слоя, — нынѣ, волею Сталина, загнаннаго в оппозицію. Прибавим к этому, уже от нашего имени, что ни один класс, как бы многочислен он ни был, не имѣет привилегіи представлять Россію. Россія живет в единствѣ не только всѣх составляющих ея частей, но и всѣх поколѣній, прошлых и будущих, и это единство иногда может быть доступнѣе одинокому мыслителю или художнику, чѣм сотням милліонов ея кровных, вѣрных, но часто близоруких сыновей.

I

— Поговорим сначала о хозяйствѣ. Хотя Вы сами признаетесь, что лучше знаете деревню, но нам хотѣлось бы сначала услышать Ваше мнѣніе о новой промышленности.

— Мнѣ пришлось изѣздить всю Россію, в том числе и новые центры промышленности, созданные пятилѣткой. Несомнѣнно, что органически они не вошли еще в новое хозяйство, не слились с ним, что для овладѣнія ими не достает свѣдущих рабочих, а еще болѣе талантливых и свободных в своем творчествѣ организаторов. Общее мнѣніе деревни о промышленном строительствѣ двух пятилѣток таково: дѣло это, быть может, и очень нужное, но находится в руках «никудашных хозяев»,

разорителей страны. Однако, «впустую» эта промышленность не построена: она не будет заброшена, как памятник причуды тиранической власти. Из года в год она, подобно скелету, будет обростать живой хозяйственной тканью, все тѣснѣе связываясь с потребителем.

Особенно это относится к промышленности, обслуживающей сельское хозяйство. Когда читаешь в зарубежной печати выдержки из совѣтских газет о цѣлых кладбищах заброшенных тракторов, о недостаткѣ частей для сельско-хозяйственных машин, о бессмысленной растратѣ средств и труда в погоню за технической интенсификаціей сельскаго хозяйства — не надо забывать, что вся эта «самокритика» говорит не об общем явлении, а об исключеніях, правда, довольно частых. Я лично убѣдился в превосходной работѣ тракторов в Центральной Россіи, на Украинѣ, в Западной Сибири. Правда, жизнь вносит большіе коррективы в отвлеченные планы власти. Колхозы вступают в соглашенія с ближайшими ремонтными центрами и на основѣ «обмѣна» продуктов на инструменты и орудія, «снабжаются» добротными частями молотилок и хорошим прицѣпным инвентарем и проч. Все зависит от того, в чьих руках колхоз, и в какой мѣрѣ его члены заинтересованы в интенсификаціи колхознаго хозяйства.

— Раз уж мы перешли к деревнѣ, скажите, как Вы, агроном, оцѣниваете прежде всего технической уровень сельскаго хозяйства в Россіи.

— За время революціи с остротой, совершенно невѣдомой ни прежней Россіи, ни западному крестьянину, обнаружилось стремленіе рационализировать и улучшать хозяйство, будь оно ремесленно кустарное или земледѣльческое, — и непремѣнно на основаніи «научных данных». Книги и брошюры по сельскому хозяйству, животноводству и проч. зачитываются до дыр и в деревнѣ опѣ на вѣс золота. От прежняго скептицизма к книжкѣ не осталось и слѣда. Лишь бы книжка была дѣльной и написана специалистом. Не по дням, а по часам растет уваженіе к старым опытным кадрам деревни. Поиски стариков — овцеводов, льноводов и вообще прежних хранителей полюблѣнными накопленнаго опыта, сохранившихся от истребленія, происходят не по приказу власти. Движеніе это шло снизу.

Деревня тщательно оберегала таких ревнителей и только теперь на верхах спохватились и узаконили это бытовое явление. Величайшим уважением окружают и молодого агронома, который не занимается показательным блефом, а реально помогает крестьянину в его работѣ. Зато новоиспеченные городскіе руководители колхозов, особенно в первый період их образования, никаким уваженіем не пользовались. Пришлых из города руководителей крестьяне откровенно презирали и подчинялись им только из страха ссылки.

— Как Вы относитесь к колхозной системѣ?

— Я, как социалист (или, как теперь говорят, — солидарист) и агроном, убѣжденный сторонник коллективизации сельскаго хозяйства. Но это допустимо лишь путем добровольной кооперации. На этот путь деревня становилась в эпоху Нэпа. В 1928 году кооперация была уже очень сильна, в самых разнообразных формах. Крестьянин входил иногда в 4-5 кооперативных организаций. Кооперативными были часто и сбыт и инвентарь, все, кромѣ земли. Сталинская коллективизация все это сорвала.

— Каково сейчас матеріальное положеніе деревни?

— Выкачиваніе сельско-хозяйственных продуктов производится в размѣрах очень больших — до 80 процентов всей продукции — и часто обрекает на голод членов колхозов, в особенности мелких. Нормы выдачи в соотвѣтствіи с «трудоднями» превращались временами в голодный паек. Положеніе нѣсколько смягчилось с разрѣшеніем имѣть в единоличном распоряженіи клочек усадебной земли. В общем хозяйственном оборотѣ эти «усадебные» участки имѣют гораздо меньшее значеніе, чѣм им придается заграничными псевдо-экономистами.

— Повышена или понижена продукція при колхозной системѣ?

— Здѣсь имѣется все время борьба двух тенденцій: улучшенной техники и сквернаго хозяйничанья. Колхозник не заинтересован в успѣхѣ своего труда. При ослабленіи надзора мы наблюдали в началѣ насильственной коллективизации случаи прямого саботажа, порчи урожая. Погибшая на корню жатва, вѣдь, сберегала труд уборки. Все-таки и при таких условіях урожайность стояла на довоенном уровнѣ. Я считаю, что это

было огромным регрессом, так как в эпоху деревенского Нэпа мы имѣли урожайность, которая на много превышала довоенную. В странѣ накопились огромные запасы творческой хозяйственной энергіи, искусственно зажатой сталинским госкапитализмом. Малѣйшее раскрѣпощеніе инициативы, не столько индивидуальной, сколько мелких хозяйственных, прочно сколоченных, объединеній — даст невиданный рост производительности.

— Не воспитывает ли новое крѣпостное право в деревнѣ ненависть не только к власти, но и к городу вообще?

— Отношеніе деревни к городу, очень напряженное при военном коммунизмѣ, стало дружественно нормальным накануне насильственной коллективизации деревни. Тяга из деревни в город рѣзко упала. Ненависть к городу, выкачивающему хлѣб, рѣзко обострилась только с момента введенія «новой барщины».

— Удержатся ли, по Вашему мнѣнію, колхозы при свободном выходѣ из них?

— Колхозы в их нынѣшнем «сталинском» состояніи не имѣют шансов удержаться. В случаѣ предоставленія крестьянству выбора, «новая барщина», как ее называют крестьяне, безусловно прекратится. Но я думаю, что и единоличное землевладѣніе не привьется в пореволюціонной Россіи: слишком противорѣчат этому, как новый быт, так несомнѣнно впитанная страной увѣренность в выгодность усилія, к о н е ч н о, д о б р о в о л ь н а г о, не сопровождаемаго террором и бездарным нахрапом невѣжественных руководителей.

• — Какова Ваша программа будущаго аграрнаго устройства Россіи?

— Я скажу не от своего только имени: мы в Россіи принципиально против всякой собственности на землю. Так думают 80-90 процентов совѣтских людей. Земля ни при каких условіях не должна быть предметом частнаго оборота. При сохраненіи націонализации земли возможны разныя формы землепользованія. Россія велика и требует большого разнообразія хозяйственных форм.

Мое убѣжденіе в преимуществах коллективнаго хозяйства заставляет вѣрить в будущее свободной кооперации или колхо-

зов. Однако, при нынешнем настроении крестьянства, в случае катастрофического срыва режима, крестьяне сразу побегут из колхозов и безусловно разделят землю. Кооператорам придется начинать сначала.

Совхозы, т.е. крупные государственные хозяйства, надо оставить в отдельных случаях, как хозяйства показательные в районах населенных, а на окраинах рационализировать.

— Как Вы смотрите на будущее национализированной индустрии?

— Национализация должна сохраниться. Мы вовсе не хотим возвращаться к Нэпу. Частный оборот выгоден для жуликов. Я не отрицаю того, что сделано в пятилетку, не считаю преувеличением даже темпы ее. Дезорганизована промышленность исключительно благодаря дурному управлению. Но русский народ сумеет выдѣлать безкорыстных и знающих организаторов. Часть предприятий возьмут в свои руки органы местного самоуправления. Мелкая кустарная промышленность, конечно, получит свободу. Но будущность ее может быть обеспечена только кооперацией.

II

— Перейдем к политикѣ. Нам хотѣлось бы прежде всего представить себѣ, как управляется современная Россія, особенно столь близкая вам деревня. Что такое в действительности сельскій совѣт?

— Современные совѣты, конечно, не выборные учреждения и не имѣют никакого вліянія. Еще 7 лѣтъ тому назад шла нѣкоторая борьба в сельских и рабочих совѣтах. Проводили иногда своих деревенских или заводских людей. Но судьба их чаще всего была плачевна. Они кончали тюрьмой и ссылкой. Теперь, если крестьяне и хотят кого-нибудь выбрать в совѣт, всѣ отказываются. Как правило, подтверждается список коммунистической ячейки. В него включаются и беспартийные, но беспартийные угодные коммунистическому начальству. Однако, и для них это может быть источником разных неприятностей. Свободнѣе других держатся на выборах женщины, которыя меньше рискуют.

— Из кого состоит коммунистической актив деревни?

— Районная ячейка состоит обычно человек из 60-70. Она управляет всеми селами, входящими в состав района. Район приблизительно равен одной трети бывшего уезда. Руководящий состав весь пришлый. В селе всем верховодит секретарь ячейки (а не председатель сельсовета). Невѣрно думать, что коммунисты опираются в деревне на местную молодежь. Молодежь настроена к ним часто враждебно.

— Как велик идейный костяк партии?

— Я думаю, что честных коммунистов не больше 10 процентов. Преобладают сейчас шкурники. В комсомол процент убежденных комсомольцев еще меньше, чем в партии. Большинство идет в комсомол ради карьеры или ради возможности учиться. Впоследствии многие комсомольцы, получив образование, уходят из партии. Но партия окружена кольцом шкурников, стремящихся попасть в нее. Это не так легко; кандидатов строго отбирают, требуют поручителей, выдерживают на испытании до 5, даже до 10 лет.

— По какому принципу принимают в партию?

— Еще этой осенью принимали по социальному происхождению, по рекомендации. Менее всего по знанию марксизма. Обычно безпартийные лучше знают Маркса. Если докопаться до идейного ядра в политическом запасе коммуниста, то окажется, что он сводится к требованию 100-процентной социализации.

— Каково отношение населения к партии?

— Настроение скорее враждебное. Если даже причислять к партийным приспособляющихся и шкурников, то их будет не больше 20 процентов. Остальные 80 процентов населения ненавидят коммунистов. Черта, разделяющая две России в отношении к марксизму, очень четкая.

— За что крестьянство ненавидит коммунистов?

— Главным образом за грабеж и безхозяйственность. Народ говорит про них: «На яму хламу не напасешь». Не жертвы озлобляют, а их бездельность, расточение народного добра. Жестокость сама по себе не очень возмущает. Даже сочувствуют строгим наказаниям воров и действительных преступников. Особенно возмущает крестьян показная сторона хо-

зайства, все, что дѣлается для рекламы и пропаганды. Что касается коммунистическаго міровоззрѣнія, то народ, конечно, против марксизма, но не против матеріализма.

— Почему, по Вашему мнѣнію, партія проявляет такую безхозяйственность?

— И система дурна и люди. Люди подбираются по вѣрности извѣстному плану. Сильные и честные люди к ним не идут.

— Не распространяется ли ненависть к коммунистам и на совѣтскую интеллигенцію?

— Безусловно нѣт. Врачи, учителя, агрономы пользуются уваженіем в деревнѣ. Народ считает их за своих. Да и коммунистов в этой средѣ мало. Среди учителей коммунистов не болѣе 2-3 процентов, комсомольцев — не болѣе десяти. Среди агрономов и врачей нѣт и этого.

— Каково вообще политическое развитіе деревни?

— Деревня чрезвычайно выросла и прекрасно разбирается в политикѣ. Об этом можете судить потому, как читают газеты. Читают их в огромном количествѣ. Болѣе всего «Правду», потом «Извѣстія». «Правду» предпочитают потому, что она дает на день раньше многія правительственныя сообщенія. Деревня больше всего интересуется официальными декретами, которые ея прямо касаются. Обсуждают каждое слово, стараюсь найти юридическую базу для отстаиванія своих интересов. Для чтенія газет собираются обыкновенно по группам и свободно обмѣниваются мнѣніями. Читают критически, даже черезчур. Есть тенденція не вѣрить ничему, а иногда и понимать все наоборот. Интересуются тѣм, как живут в Европѣ, и, читая о страданіях европейскаго пролетаріата, не только не вѣрят, но идеализируют Запад. Смотрят в кино сцены из жизни европейских безработных, убѣждаются, что безработные одѣты лучше наших рабочих.

— Не скажете ли чего-нибудь о совѣтском управленіи в городѣ?

— Совѣтскій аппарат извѣстен. Это аппарат бюрократическій. Совѣты сведены к фикціи. В этой системѣ особое мѣсто занимает ОГПУ (нынѣ ДГПКВД). Главные агенты власти в городѣ: политическій представитель ОГПУ и секретарь

партийного комитета. Кто из них сильнее и влиятельнее, это зависит от человека.

— Вы, следовательно, не думаете, что компартия связана с населением. Если страна ее ненавидит, каким образом Вы представляете конец партийной диктатуры?

— Катастрофический взрыв, к сожалению, имеет за собой большую вероятность. Однако, он означает такое море крови и такие разрушения, так как партия, конечно, не сдастся без боя, что этого исхода нельзя желать для России. Особенно в условиях надвигающейся военной опасности. Я предпочел бы, чтобы партийная диктатура была изжита в порядке эволюции.

— Но так называемого дворцового переворота Вы не исключаете?

— Дворцовый переворот в России может легко стать сигналом к общему возмущению, и тогда он сведется к первому случаю. Слишком много накопилось ненависти. То, что я называю эволюцией, скорее предполагает сохранение преемства власти, которая постепенно переходит в руки людей, согласных распустить или реформировать компартию и назначить свободные выборы в советы. Советский аппарат возьмет власть. В этом и будет состоять сущность переворота. Даже при этих условиях я не считаю исключенным взрыв низового террора против вчерашних палачей.

— У нас часто говорят, что советская система может функционировать только при условии партийной диктатуры.

— Я с этим не согласен. В самом советском аппарате найдутся люди, способные вести Россию и без коммунистов. Я верю в силы и сознательность народа. Мы видим таких людей во всех отраслях жизни. Сейчас им только мешают работать. Придя к власти, они сразу дадут почувствовать России, что пришел настоящий хозяин.

— Какими перемены в советском строе Вы считали бы необходимыми?

— На первое время я сохранил бы целиком нынешнюю систему выборов. Улучшения можно будет проводить потом. Наша система имеет то преимущество перед прямыми выборами, что народ выбирает своих людей по их достоинствам, а не по партийным ярлыкам. Съезды советов должны быть ред-

кіе, но они реально контролируют правительство. Правительство, каково бы ни были его происхождение, ответственно перед съездом совѣтов.

Как Вы относитесь к демократическим свободам?

— Я стою за свободу. Безусловно необходимо дать свободу печати. Однако, не всякой. Печать контр-революционная или защищающая капитализм не должна быть допущена. То же и с партиями. Я против единой правящей партіи, партій может быть нѣсколько. Но контр-революционных мы не потерпим. Мы не позволим опять закабалить народ и развратить его.

— Кто это вы?

— Мы молодой революционный актив страны. Мы всѣ, стоящіе на почвѣ революціи, но отрицающіе коммунизм. Новая совѣтская интеллигенція. Между собой мы легко сталкиваемся на почвѣ реальных нужд страны. Если хотите, это будет диктатура актива, но имѣющая временный характер. Ея задача — облегчить установление в народѣ пореволюционной солидарности.

III

— Нам хотѣлось бы услышать ваше мнѣніе по національному вопросу в Россіи. Вы много поѣздили по Россіи. Вы работали в Великороссіи, на Украинѣ, в Туркестанѣ, в Сибири. Встрѣчались ли Вы с симптомами сепаратизма?

— Я отрицаю опасность сепаратизма для Россіи. На Украинѣ (и в русских и в украинских районах) я вездѣ чувствовал себя дома, — хотя и «в разных комнатах». Ко мнѣ относились, как к своему, хотя я плохо говорю по украински. Доклады меня просили читать по русски. Язык там никого не стѣсняет. Среди совѣтских работников больше русских, да и доклады на собраніях чаще читаются по-русски.

— А каково настроеніе среди «нацменов» Туркестана?

— В общем я наблюдал, что они лучше относятся к Совѣтскому Союзу, чѣм само русское населеніе. Они, дѣйствительно, многое получили от революціи. Басмаческое движеніе питалось ненавистью мѣстной знати. Это движеніе сейчас не имѣет почвы в населеніи. Среди служащих русской элемент преобладает. Русскіе фактически управляют страной. Но в

предсѣдатели совѣтов обыкновенно проводят туземцев. Бывают и судьи нацмены.

— Ваше впечатлѣніе от Сибири?

— В Сибири сейчас 35 миллион жителей, главным образом русских. Работая среди бурят, я мог убѣдиться, что они довольны совѣтской властью.

— Существует ли в Россіи еврейскій вопрос?

— Нѣт. Антисемитизма в Россіи сейчас не существует. Никогда крестьяне не жаловались при мнѣ на евреев агрономов. Ругают евреев обыкновенно неудачники. Хотя есть профессіи, гдѣ, по разным причинам, евреи представлены особенно густо. Много их почему-то в хлѣбосоюзѣ. Я помню, был конгресс математиков. Половина съѣзда была из евреев.

— Что дѣлать с національными меньшинствами послѣ ликвидаціи коммунизма?

— Оставить все как есть. Только расширить предѣлы свободы, децентрализациі. Можно оставить даже «право на отдѣленіе», которое стоит в совѣтской конституціи. Конечно, в переходное время правительство может употребить силу, чтобы сохранить единство страны. Но в дальнѣйшем, если какая-нибудь народность проявит рѣшительное нежеланіе оставаться в Союзѣ, она может выйти, послѣ плебисцита.

— Вы не считаете, что отдѣленіе Украины может быть роковым для Великороссіи по причинам экономическим?

— Нѣт. Россія очень могущественна и все равно, будет имѣть выход к Черному морю. И Донецкій бассейн останется в Великороссіи. Украина потеряет больше.

— Сепаратисты еще рассчитывают на виѣшних врагов Россіи. Как стоит этот вопрос? Будут ли красноармейцы из крестьян защищать родину — или там возникнут пораженческія настроенія?

— В Россіи чрезвычайно возросло сознаніе своего челоувѣческаго и національнаго достоинства. Вражда к власти остается в силѣ, но массы понимают, что нельзя играть судьбой страны. Перед лицом виѣшней опасности громадное большинство будет за оборону.

— Поговорим теперь о культурѣ. О народном образованіи прежде всего.

— Я думаю, что в общем оно поставлено прескрасно. Среди дѣтей школьнаго возраста неграмотных уже нѣтъ. Для всѣх обязательна 4-лѣтняя школа. Многие посѣщают семилѣтку и даже десятилѣтку. В каждом районѣ есть 1 десятилѣтка и 2-3 семилѣтки. Школьная сѣть, мнѣ кажется, теперь в 5-6 раз гуще, чѣм до революціи. Много школ устроились по бывшим имѣніям, построены и новыя зданія.

— А что дѣлается для образованія взрослых?

— Множество всяких курсов, особенно технических, которые усердно посѣщаются. На них, конечно, приходится заниматься и общей грамотностью. Так в Россіи еще недавно насчитывалось до милліона трактористов, прошедших спеціальныя курсы. Есть и культурныя клубы. Не всѣ клубы превратились в очаги хулиганства, конечно. А затѣм примите во вниманіе такія средства для расширенія культуры, как радіо, газеты, سینема. В каждой деревнѣ есть нѣсколько радіопріемников. В среднем один аппарат на 10 дворов. Есть районы радіозированныя сплошь. Газет читают так много, что их не хватает, несмотря на полутора-милліонныя тиражи. سینема есть в каждом районѣ. Существуют и передвижныя. Много новых театров. В репертуарѣ преобладают старыя пьесы. Новыя пьесы, большею частью, плохія, тенденціозныя. В драмѣ ставят приблизительно одну новую пьесу на двѣ старых.

— Каковы главные пробѣлы совѣтскаго образованія?

— Об исторіи свѣдѣнія очень слабыя. Даже из русских классиков не всѣ читали Толстого, Достоевскаго. Молодежь интересуется больше Тургеневым и Пушкиным. Есть писатели, изъятые из библіотек: Салтыков-Щедрин и Есенин (Есенин принадлежит к любимым поэтам). Старых русских социалистов не марксистскаго толка мало знают.

— Вы были студентом вузов в 20-х годах. Каковы Ваши впечатлѣнія о высшей школѣ?

— Всѣ мы, или почти всѣ, учились на стипендіи, которыя даются на 5 лѣт. Среди студентов по моим наблюденіям, при-

шедшіе с рабфаков были самые серьезные. Лабораторныя занятія у нас преобладали над лекціями раза в 2-3. Учились усердно, но с 1929-1930 г.г. общественная нагрузка чрезвычайно мѣшала. Комсомольцев среди студентов было мало. Какихнибудь 10-15 процентов. Я помню случай на курсах, когда среди 500 агрономов было всего 28 коммунистов. За то в нѣкоторых специальных учебных заведениях (напримѣр военных) партійная прослойка подымается до 80-90 процентов. Присутствіе партійцев и доносчиков вносило недоверіе и осторожность в отношенія. В разговорах хитрят, косятся друг на друга, пока лед не сломан и не найден общій язык.

— Каковы идейныя стремленія молодежи?

— Большинство думает о своей карьерѣ. Но есть и энтузіасты общаго блага. Я думаю, таких около 15 процентов. Есть люди, относящіеся критически к политической дѣйствительности. Возмущаются жестокостью правительства. Главным образом, безполезной жестокостью. В увлеченіи техникой и строительством силен спортивный интерес (парашютизм). Но есть и мотивы служенія. В Арктику идут работать ради служенія. Существуют и кружки среди молодежи. Я знал в 1927-1929 г.г. кружок толстовцев. Большинство из них сидят сейчас по тюрьмам за отказ от воинской повинности и многое другое. Знал я кружок, гдѣ читали Толстого, Бердяева, Крапоткина.

— Каково положеніе религіи и церкви в Россіи?

— Я сам человек нерелигіозный, но отношусь к религіи без ненависти. В деревнѣ огромное большинство соблюдает церковныя обряды, как старики, так и молодежь. Вѣнчаются почти всѣ в церкви. Храмов в деревнѣ закрыто не много, — может быть, десятая часть. Большинство церквей закрыты в эпоху коллективизаціи, но потом были открыты вновь. В городѣ, конечно, другое: там закрыто до 80 процентов церквей. В деревнѣ посѣщать церковь совершенно безопасно. В городѣ опасность несомнѣнная, и она возрастает в зависимости от профессіи. Рабочему и солидному спецу можно ходить в церковь, для совѣтскаго служащаго это трудно. Безусловно невозможно для педагога или командира красной арміи.

— Каково положеніе духовенства?

— Священники хозяйства своего не имѣют, а живут на

счет общины, которая и несет тяжесть их налогов. Остались среди духовенства только люди идейные. Есть одинокие из бывших монахов, есть и молодые. Ставят иногда и из простых крестьян. Пьянства среди них не наблюдается. Живут примерно и хорошо молятся, но проповедают мало. Влиянием на народ не пользуются. Власть систематически удаляет всех выдающихся людей среди духовенства. Чуть появится сильный проповедник, его сейчас же сажают и ссылают. Без всякой вины, просто за влияние.

А каково внутреннее отношение к церкви населения?

— Молодежь к религии индифферентна. Но воинствующих безбожников мало, даже среди комсомола. Есть, конечно, явления, которые указывают на силу религиозных настроений. Я сам наблюдал в 1930 г. в Волчанском районе, в Белой Церкви, массовое паломничество к какому-то чудотворному источнику.

— А что Вы знаете о сектантстве?

— В 1927 г. сектантов считалось по всему Союзу около 5 миллионов. За годы коллективизации сектанты и старообрядцы сильно пострадали в числе мнимых кулаков. После усилились баптисты. Они проявляют особенную ревность в проповеди. Их ссылают. Разстреливают редко, большей частью за контр-революционные разговоры.

— Какія меры, по Вашему, необходимы для улучшения образования и урегулирования положения религии в государстве?

— Прежде всего снять коммунистический надзор и гнет над школой. Обеспечить более рациональное расходование средств. Особенно коренных реформ я не предвижу. В высшей школе необходимо сохранить некоторый контроль правительства. Недопустимо, чтобы профессор на казенные деньги вел пропаганду реставрационных идей.

Религия должна быть совершенно свободна, но не пользоваться покровительством. Церковные здания надо вернуть верующим, но ни копейки государственных средств на поддержание культа. Духовенство должно быть уравнено в правах со всеми гражданами. Но я бы держал священников под особым надзором, так как они представляют собой, по моему мнению, в данное время, контр-революционный элемент.